

Эволюция российской судебной системы в 2014 году

Судебная система в России и в “докрымскую” эпоху не могла рассматриваться как независимая ветвь власти. Получив формальную юридическую автономию в ходе реформ 90-х, она оставалась частью исполнительной власти в том, что касается организации, ценностей и внутренней процедуры (то есть установившихся рутин делопроизводства и практик контроля; следует оговориться, что формальные процессуальные правила, напротив, изменились значительно). Все тенденции, характерные для нынешней судебной системы, имеют еще советские корни, и после короткого периода относительного ослабления в 90-е годы легко возобновились с укреплением вертикали власти в “нулевые”. Эти тенденции включают в себя: сращивание суда с репрессивными органами; федеральную “вертикаль” судебной власти — подчиненность судей председателям судов на повседневном уровне и систему фактических назначений председателей вышестоящими судами; де-факто включение мировых судей в систему общей юрисдикции на правах нижнего звена; автоматизм и “конвейерный” характер судопроизводства, ориентацию на “государственные интересы”, которые подразумевают создание более удобных условий работы для правоохранителей и экономию бюджетных средств (например, на компенсациях оправданным); бюрократическую подотчетность судей. В процессе рассмотрения уголовных дел судьи еще хоть в какой-то степени интересовались качеством аргументов обвинения, стараясь назначать более гуманные приговоры под-

судимым, чья вина доказана хуже обычной нормы. Однако в ходе следственных действий и оперативно-розыскной деятельности судьи не считали возможным “мешать следствию”: например, помещение граждан в предварительное заключение (то есть в условия более пыточные, чем в колонии) судьи одобряли практически во всех случаях и по самым минимальным основаниям. Так, достаточным основанием для помещения обвиняемого под стражу суды рутинным образом признают наличие загранпаспорта, даже если последний уже конфискован следствием.

Одновременно в постсоветский период намечались и некоторые тенденции к гуманизации уголовного судопроизводства — там, где это не противоречило интересам репрессивного аппарата. В первую очередь речь идет о высокой доле приговоров, освобождающих подсудимых от наказания при условии признания вины (примирение с потерпевшим, деятельное раскаяние). Подобный исход судебного разбирательства удобен всем сторонам процесса: судье, которому не надо писать подробное решение и опасаться апелляций в вышестоящие суды; стороне обвинения, которая получает признание вины (то есть своей правоты, законности уголовного преследования обвиняемого); подсудимому, для которого такой исход представляется наиболее благоприятным из возможных, поскольку вероятность оправдания крайне призрачна (менее 1 из 1000 в 2014 году); потерпевшему (если он есть в деле), который может получить формальную или неформальную компенса-

цию нанесенного вреда в обмен на согласие на примирение сторон. Еще одна положительная тенденция — неуклонное на протяжении всего постсоветского периода снижение доли приговоров к реальным срокам. И при Ельцине, и при Путине в обществе и в государственных органах существовал широкий консенсус: все были согласны, что следует уменьшить число вердиктов, предусматривающих реальное лишение свободы (напомню, что в постсоветский период Россия вошла мировым лидером по численности заключенных на душу населения). Соображения гуманности, осознание того, что лишение свободы неэффективно и как метод перевоспитания, и как политика предупреждения преступности, а тюремная культура негативно влияет на общественные нравы в целом, распространение сведений о пыточных условиях в местах заключения, а также мировой опыт, “международный облик” страны и вопросы экономии бюджетных средств — все это в разных комбинациях приводило к убеждению, что население колоний и тюрем необходимо сокращать. В этом были убеждены общественность и правозащитники, экспертное сообщество и правящая группировка, финансовые власти и руководство ФСИН; с этим соглашались и юристы, включая, что немаловажно, и самих судей. Против, возможно, была часть правоохранителей, прямо заинтересованных в том, чтобы система криминальной юстиции была максимально репрессивной.

Судебная система в России практически не способна (и эта неспособность только усугубляется) реабилитировать невиновных и подвергать судебному контролю деятельность правоохранителей; стандарты доказывания вины постоянно, хотя и медленно, снижаются; судьи проявляют максимальную сервильность в отношении исполнительной власти и не оказывают сопротивления политическому заказу. Но несмотря на все эти черты, судебная система в 2000-е годы все меньше “сажала”, выбирая более гуманные виды наказаний, в первую очередь денежные, такие как штраф или обязательные работы¹, и освобождала от уголовного наказания. Значительную часть обвиняемых освобождали от уголовного наказания, по крайней мере, в

тех случаях, когда обвинение было не очень тяжким. Правоохранителей такой исход разбирательства устраивал.

Два внешних шока — эволюция режима в сторону большей репрессивности после общественной мобилизации и протестов рубежа 2011 и 2012 годов и его окончательное авторитарное переформатирование в “посткрымскую” эпоху — усилили все без исключения негативные тенденции, перечисленные выше, и сломали обе положительные. С 2012 года растет доля приговоров к реальному сроку; в 2014-м, как будет показано ниже, доля “денежных” наказаний (которая до того повышалась на протяжении ряда лет) перестала расти, а доля прекращенных дел заметно снизилась. Правоохранительные органы стали гораздо активнее вести слежку за гражданами² — при полном понимании судов. Так, количество ходатайств об “ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи” в ходе оперативно-розыскной деятельности³ выросло за три года в полтора раза и превысило 500 тыс. в год при практически неизменном количестве расследуемых уголовных дел. Но суды по-прежнему практически неизменно — более чем в 99% случаев — удовлетворяют такие ходатайства.

В данной статье читателю сначала предлагается обзор качественных изменений в судебной системе на протяжении “посткрымского” 2014 года, а затем — анализ судебной статистики в сравнении с предыдущими периодами⁴. Для расчетов использованы отчеты Судебного департамента РФ за 2008–2014 годы⁵ — то есть официально публикуемая статистика, суммирующая информацию о движении всех уголовных дел, проходящих через суды в течение года, а также иных решениях, принимаемых судами в ходе уголовного судопроизводства по уголовным делам.

Обзор изменений в законодательстве и практике судов в 2014 году

В 2014 году прекратил свою деятельность Высший арбитражный суд. Независимая система арбитражных судов, намного превосходящая по качеству суды общей юрисдикции, была демонтирована; в регионах сохранились “окружные” пирамиды арбитражей (суд субъекта федерации — апелляционный суд — окружной арбитражный суд⁶), что позволило частично сохранить накопленный опыт и квалифицированные судейские кадры на местах. Однако надежды на то, что значительная часть аппарата ВАС, перейдя в аппарат Верховного суда РФ, принесет с собой современные практики документооборота (в частности, навыки ведения общедоступного реестра дел в интернете) и относительно высокую юридическую квалификацию, не оправдались. Судьи ВАС также в большом количестве остались не у дел: состав ВС был пополнен изнутри системы — за счет ставленников председателя ВС.

Председателем обновленного Верховного суда РФ в мае был переназначен Вячеслав Лебедев, причем интервал между тем, как он подал заявление о продлении полномочий, и решением Совета Федерации составил всего восемь дней. Совет Федерации одобрил переназначение не только практически без открытого обсуждения, но и без кулуарного торга. Полномочия ВАС перешли к коллегии ВС по экономическим спорам во главе с Олегом Свириденко, который, хотя и происходит из системы арбитражных судов, но был в плохих отношениях с главой ВАС Антоном Ивановым, а кроме того — главным противником прогрессивных практик в арбитражных судах, и к тому же имеет репутацию человека, близко к силовому блоку в окружении президента.

Следует также упомянуть переназначение одиозной Ольги Егоровой на должность главы Мосгорсуда. Егорова была единственным претендентом на должность, а заседание Высшей квалификационной коллегии судей было демонстративно кратким — не более пяти минут. Сама Егорова заявила в присутствии журналистов, что на должность ее пригласил председатель ВС: “Решение на третий срок далось не просто. Я пришла к Вячесла-

ву Михайловичу Лебедеву, и он сказал, что я обязана идти и работать. Ему необходима моя помощь”, — цитирует портал pravo.ru⁷. Судейское сообщество получило недвусмысленный сигнал: назначения будут делаться по принципу личной лояльности, негативная репутация в глазах общества не будет создавать судье никаких, даже внешних, проблем, командный стиль председателей судов — приветствуется.

Планируется переезд Верховного суда в Петербург. Опираясь на пример Конституционного суда, отправленного в Петербург ранее, можно с уверенностью прогнозировать длительный спад активности ВС в процессе переезда, а после него — падение общего значения Верховного суда в структуре властных органов России. Это приведет к дальнейшему снижению авторитета судебной власти.

В течение бурного 2014 года Конституционный суд не проявил себя практически ничем, хотя в этот период в Конституцию были внесены поправки, меняющие облик судебной системы (поглощение Верховным судом Высшего арбитражного суда, поправка внесена 5 февраля 2014 года) и парламента (изменен порядок формирования Совета Федерации: теперь 10% членов верхней палаты парламента — пожизненно — назначает президент, поправка от 21 июля 2014 года). Кроме того, в тот же период и президентская ветвь власти, и парламент принимали решения весьма сомнительной конституционности. Девятнадцатого марта КС без споров подтвердил конституционность “договора” о вступлении Республики Крым в состав России и образовании двух новых субъектов федерации (Крым и Севастополь). Восьмого апреля КС подтвердил конституционность законодательства об “иностранцах агентах”; 23 сентября оставил без изменений закон, запрещающий “пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений”. Этим списком участие главного суда в политической жизни страны за переломный год практически исчерпывается: в основном суд рассматривал рутинные дела.

Таким образом, из трех Верховных судов России самый прогрессивный и профессиональный — Арбитражный — был уничтожен; второй — Конституционный — фактически

утратил свое значение; Верховный суд претерпел значительную перетряску и готовится к еще большей неопределенности в связи с переездом из центра власти в провинцию.

Реформа судов общей юрисдикции фактически остановлена, прекращены даже разговоры о ней. Вместо давно обсуждавшейся реформы низовых судов обществу предъявлен разгром ВАС; практики низовых судов при этом никак не были затронуты. В частности, продолжается поглощение формально независимых мировых судов вертикалью судов общей юрисдикции. В юридическом сообществе все еще обсуждаются разнообразные проекты разной степени радикальности: от введения должности следственного судьи до возвращения к советскому институту народных заседателей. Однако сама тема независимости и объективности судей находится под запретом и в юридическом сообществе, и в политическом поле; а если такая цель даже не ставится, содержательная реформа невозможна. Кроме того, на судебную систему тяжким грузом легла необходимость “переварить” поглощенную судебную систему аннексированного Крыма с заметно иной юридической базой и совершенно другими практиками работы (о том, как Крым инкорпорируется в российскую систему государственного управления, см. статью Николая Петрова в настоящем выпуске). Насколько можно судить по отрывочным публикациям в сетевых СМИ, в тамошней судебной системе несколько больше низовой коррупции, но намного меньше сервильности и зависимости от силовых структур. Последнее может стать для российской судебной вертикали даже большей проблемой, чем первое.

Деградация судебной системы и снижение ее роли проходит на фоне нарастающих репрессивных тенденций в законодательстве. Приняты законы, ужесточающие режим связей с “заграницей” в самых разных областях: законы о двойном гражданстве, контроль зарубежных счетов, ограничение доли собственности нерезидентов в российских СМИ. Введена уголовная ответственность за нарушение порядка проведения митингов и собраний, стало более жестким “антиэкстремистское” законодательство. Ужесточены правила

условно-досрочного освобождения; при том, что значение судов снизилось, сами они получили новые полномочия: право требовать от прокуратуры переквалификации обвинения в сторону его ужесточения (ранее без согласия прокурора судьи имели право смягчить приговор, но не ужесточить его).

В 2014 году следователи вернули себе право возбуждать уголовные дела по налоговым преступлениям без представления от налоговых органов. Это означает, что в условиях экономического спада бизнес будут произвольно наказывать за снижение налоговых выплат, и речь не только о минимизации налогов через те или иные налоговые схемы. Практика такова, что минимизацией легко признается уплата заметно меньших сумм, чем “в среднем по отрасли” за прошлый отчетный период или чем собственные выплаты компании в предыдущие периоды времени. В условиях экономического кризиса это ставит под удар практически любую фирму со средними результатами экономической деятельности — под таким давлением многие идут даже на то, чтобы переплачивать налоги, завышая финансовые результаты (такие прецеденты были во время кризисов 1998 и 2008 годов). МВД предложило законопроект об упрощенном порядке дознания: мало того, что требования к доказательствам по делу в “очевидных” случаях понижаются до минимума, еще и решение применить такой порядок вправе принять начальник органа дознания, на это не требуется согласие ни подозреваемого, ни заявителя. С учетом существующих судебных практик, проект практически снимает с дознавателя обязанность предъявлять существенные доказательства: достаточно констатировать “очевидность причастности лица к совершению преступления” и то, что “доказывание не представляет сложности”⁸. Это дает возможность разгрузить дознавателей, которым не придется заниматься сложной работой по очевидным делам (существующая практика требует от них заполнения огромного количества бумаг и заказа ненужных экспертиз даже в самоочевидном деле), но и создает огромное поле для злоупотреблений и прямых фабрикаций. Представим себе, например, насколько просто теперь будет при

желании подбросить наркотики или патроны и на этом основании осудить кого угодно.

Прокуратура, и так обладавшая заметными возможностями давления на суды, в 2014 году окончательно стала частью президентской “вертикали”. До этого существовала некоторая неопределенность статуса: принадлежит ли прокуратура к исполнительной или к судебной власти, но поправками от 5 февраля 2014 года в Конституции закреплена ее статус как части исполнительной власти. Президент получил право назначать не только Генерального прокурора, но и его заместителей; одновременно прокуратура вернула себе право общего надзора над Следственным комитетом. Это значит, что “патовый” конфликт между СК и прокуратурой разрешен в пользу последней. Раньше СК не мог передать дело в суд без согласия прокуратуры (см. “прокурорское игорное дело”⁹), но и прокуроры не могли расследовать незаконные действия следователей СК, не обладая следственными полномочиями. Теперь представители прокуратуры имеют возможность вмешаться в любое действие СК в порядке надзора. Для судей конфликт с прокуратурой в еще большей степени, чем раньше, будет выглядеть прямым

вызовом “государственным интересам”.

В целом следует констатировать ускорившуюся деградацию судебной системы, снижение стандартов доказывания, рост лояльности судей по отношению к правоохранительным органам и снижение значимости судов в системе власти.

Структура судебных решений по уголовным делам: новые тенденции

Структура судебных решений по уголовным делам меняется в сторону более репрессивного подхода. Продолжает снижаться количество оправданий в судах, и без того необычайно низкое. Если исключить из рассмотрения дела частного обвинения (то есть такие, где сторона обвинения не обязательно представлена органами прокуратуры и отсутствует “государственный интерес” в обвинительном приговоре)¹⁰, в 2014 году оправдание получили менее чем один из тысячи подсудимых: 0,09%. При всей ничтожности этой цифры нужно отметить, что с 2008 года доля оправданий в российских судах упала втрое. За год

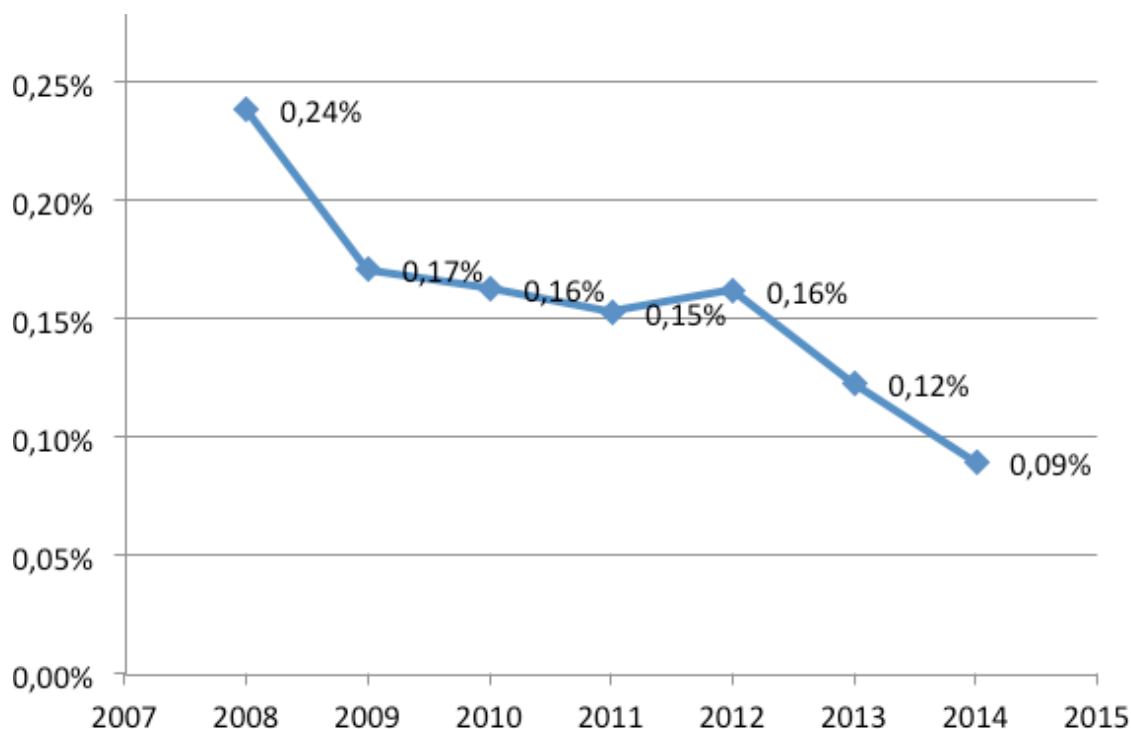

График 1. Динамика процента оправданий в судах (2008–2014 годы). Публичное и частно-публичное обвинение

было вынесено всего 800 оправдательных приговоров в делах публичного и частно-публичного обвинения (на них приходится 92% всех дел, рассмотренных в судах) на общий массив в 880155 таких дел. Можно констатировать, что суды РФ практически перестали оправдывать кого бы то ни было. Прекращено по реабилитирующим обвиняемого обстоятельствам 405 дел (менее 0,05%).

Стало меньше не только оправданий, но и других судебных решений, альтернативных обвинительному приговору, в первую очередь — прекращений дела по примирению с потерпевшим. Такой исход часто служит заменой оправданию подсудимого в тех делах, где это юридически возможно (для прекращения по примирению с потерпевшим, в частности, это те дела небольшой и средней тяжести, в которых присутствует потерпевший). Напротив, с 2013 года стала расти доля приговоров к реальному сроку, которая систематически падала в предыдущие годы; данные за первое полугодие 2014 года подтверждают эту тенденцию. При анализе данных за 2014 год следует, однако, учитывать влияние объявленной в тот год широкой амнистии в честь 20-летия Конституции¹¹. Для иллюстрации этого влияния сравним данные за 2013 и 2014 годы. В 2013 году по амнистии были прекращены в суде дела 3262 чел., и еще 338 освобождено от

(см. таблицы ниже), такое необычно большое количество амнистированных оказывает значительное влияние на направление обсуждаемых тенденций. (Напомним, что речь идет не о выборке, а о генеральной совокупности всех принятых судами решений по уголовным делам, то есть любые изменения здесь статистически значимы).

Тенденции ужесточения или, наоборот, уменьшения репрессивности в судопроизводстве зависят от рутин и практик, принятых в судебной системе, от баланса сил между силовыми ведомствами и судами и от уровня общественного контроля. Кроме того, судебная система практически не контролирует поток уголовных дел “на входе”; практически не пользуется своими правами отказаться от рассмотрения дела. Она рассматривает то, что поставляют правоохранители, а у них ситуация развивается по своим законам¹⁴.

Для того чтобы определить, в каком направлении развиваются эти системы, нужно сделать поправку на эффект амнистии. Поэтому кроме фактических данных за 2014 год здесь приводятся данные, рассчитанные по следующей формуле. Если для каждого из судебных исходов мы принимаем за X факт количество лиц, для которых судебное разбирательство фактически закончилось именно таким исходом, тогда:

$$X_{\text{с поправкой на амнистию}} = X_{\text{факт}} + X_{\text{факт}} * \frac{\text{количество амнистированных}}{\text{общее количество рассмотренных дел в 2014 году} - \text{количество амнистированных}}$$

наказания по амнистии приговором суда¹² (из них по делам частно-публичного и публичного обвинения 1937 и 152, соответственно) — и это более или менее типичная ситуация. В 2014-м эти цифры составили 15240 и 2787 чел.; из них по делам частно-публичного и публичного обвинения 13293 и 2377 чел. соответственно, в сумме 15670 — именно на эту сумму мы будем делать поправку в дальнейшем¹³. Это составляет значительную часть всех, чьи дела были рассмотрены судами в этой категории, около 2%. Учитывая, что от года к году данные меняются не слишком существенно

Другими словами, здесь предполагается, что амнистированные были бы распределены по графам судебных исходов так же, как те, кто под амнистию не попал, и оценивается, как выглядели бы итоги 2014 года без амнистии. В целом такая грубая оценка занижает общую репрессивность системы. Например, эта оценка занижает количество осужденных и завышает количество прекращенных дел, так как у осужденных за более тяжкие преступления в среднем меньше шансов попасть под амнистию, и у них же меньше шансов на то, что дело в их отношении будет прекращено по

нерабилитирующим обстоятельствам. (Самый распространенный вариант прекращения дела по нерабилитирующим обстоятельствам — прекращение в связи с примирением с потерпевшим — закон целиком резервирует для обвиняемых по нетяжким составам и составам средней тяжести). В целом у тех, кто совершил менее тяжкие преступления, как и у тех, кто получил бы приговор, не связанный с лишением свободы, меньше шансов попасть под амнистию. Таким образом, выбранный

метод оценки, хотя и весьма грубый, “работает” против предложенной гипотезы о повышении общей репрессивности судебной системы. Ниже в большинстве таблиц приведены как фактические данные, так и оценки с поправкой на амнистию (с соответствующей пометкой). Для того чтобы дополнительно оценить тенденции года, в некоторых местах приводятся также данные за первую половину 2014 года, на которые амнистия большого влияния не оказала.

Лишение свободы, фактическое

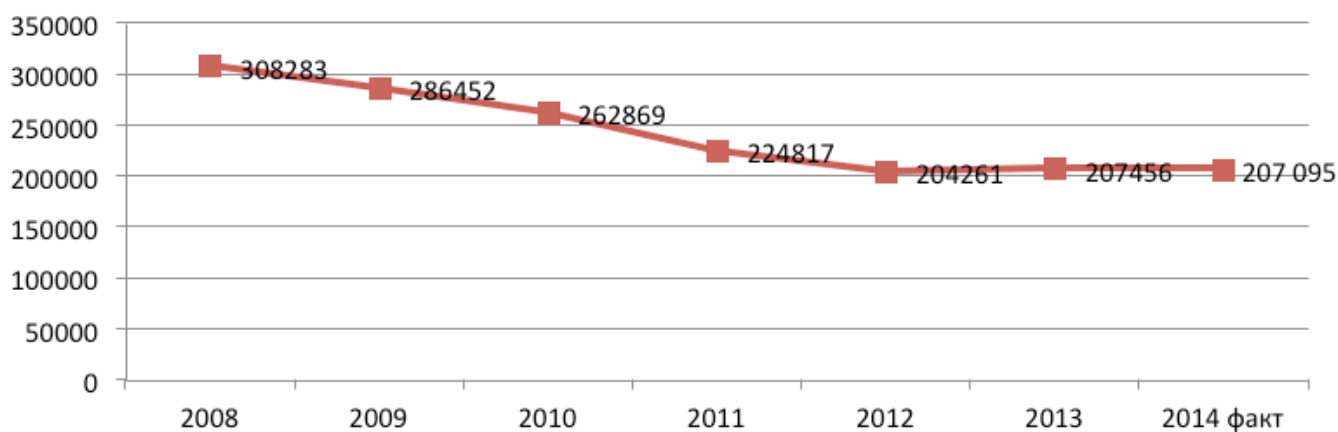

График 2. Количество осужденных к лишению свободы, 2008–2014 годы, факт.

Лишение свободы, с поправкой

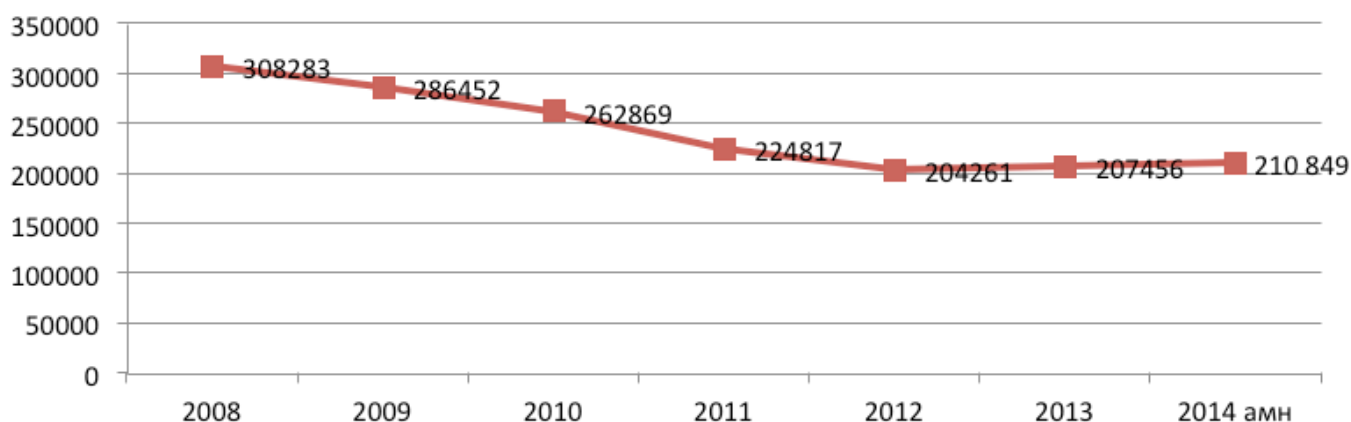

График 3. Количество осужденных к лишению свободы, 2008–2014, оценка с поправкой на амнистию

В 2014 году, если бы не случилось амнистии, то впервые в постсоветской истории произошел бы рост общего количества осужденных к лишению свободы, падавшего все постсоветские годы.

Доля осуждений к лишению свободы от всех рассмотренных дел также выросла. Наблюдавшееся на протяжении ряда лет сокращение количества реальных сроков позволяло говорить о гуманизации приговоров, но в 2012 году эта тенденция была сломана.

На Графике 4 показаны наиболее частые варианты судебных исходов. В фактическом выражении прекратился долгосрочный рост применения относительно гуманных видов наказания, не связанных с лишением свободы (обязательные и исправительные работы, штраф); с поправкой на амнистию незначительный рост сохраняется. При этом доля приговоров к условному сроку, снижавшаяся на протяжении всего периода, стабилизировалась на историческом минимуме. Все меньше осужденных имеют возможность вести относительно нормальную жизнь после приговора.

Репрессивные тенденции проявляются не только в приговорах. Так, если за 2011 год суды вернули прокуратуре за грубые ошибки в уголовном деле (в юридически точной формулировке “для устранения недостатков в порядке 237 статьи УК”) 12216 дел, то в 2014 — 9817 дела. Это означает падение примерно на 25% (количество рассмотренных судами уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения за это время изменилось с 93811 до 880155, то есть упало намного меньше, на 6%). Доля дел, возвращаемых судами прокурорам, упала, таким образом, за три года с 1,3% до 1,1%. Это значит, что судебный контроль над качеством работы правоохранительной системы, которую представляет в суде прокурор, падает довольно быстро.

Если в 2011 году суды рассмотрели 190822 ходатайства об условно-досрочном освобождении заключенных и удовлетворили 56% из них, то в 2014 году они рассмотрели 132358 (на треть меньше) таких ходатайств и удовлетворили 41% из них. Пенитенциарная система дает заключенным все меньше возможностей

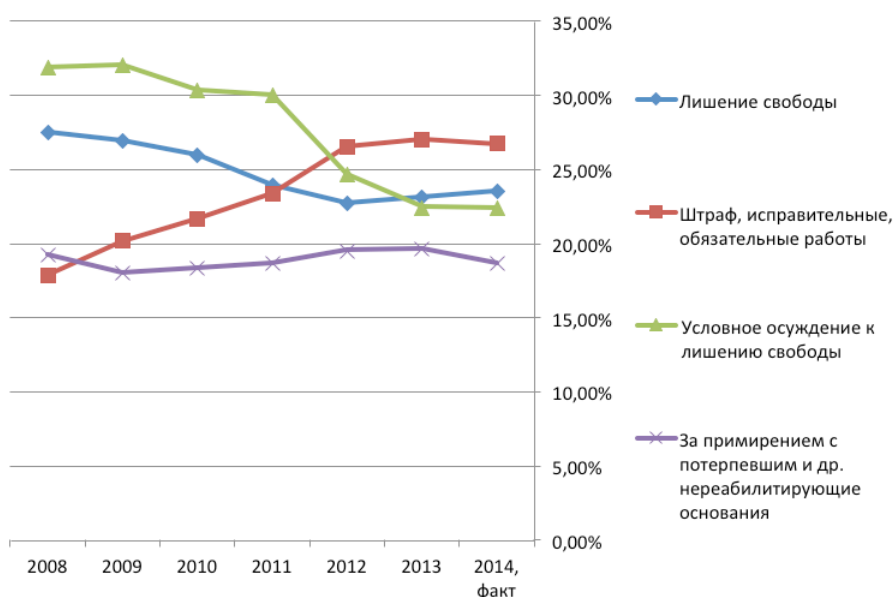

График 4. Динамика судебных исходов 2008–2014, факт.

Снизилось количество прекращенных по нереабилитирующим обстоятельствам дел: с 19,65% в 2013 году до 18,67% в 2014 (фактические данные; поправка на амнистию влияет на тенденцию незначительно, см. Таблица 1 в Приложении).

ходатайствовать о досрочном освобождении, а суды все менее охотно удовлетворяют такие ходатайства.

Силовикам стало легче получать разрешение суда на применение мер пресечения,

следственных и оперативно-розыскных действий. Можно сказать, что в ходе расследования следственные органы практически не знают от судов отказа. Также в течение трех лет силовики начали запрашивать и получать от судов намного больше разрешений на ограничение различных конституционных прав граждан, таких как избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста; продление срока пребывания под стражей; проведение обыска или выемки документов; контроль и запись телефонных и иных переговоров; ограничение права на неприкосновенность жилища.

В Таблице 2 (см. Приложение) представлены сравнительные данные по ходатайствам силовых органов в суды за 2011 и 2014 годы.

Особенно разителен рост запросов на осуществление слежки за гражданами. Количество судебных разрешений на прослушивание телефонов и перлюстрацию электронных коммуникаций (см. статью Андрея Солдатова в настоящем выпуске) в ходе оперативно-розыскных действий выросло за три года в полтора раза и превысило 500 тыс. в год, причем суды выдают такие разрешения в 99% случаев. (“ В ходе розыскных действий” означает, что слежка ведется тайно: оперативная деятельность защищена законодательством о гостайне, и граждане не имеют доступа к информа-

ции о прослушивании даже задним числом). В 2014 году количество запросов и разрешений на запись телефонных и иных переговоров в ходе следствия выросло на треть и приближается к отметке 200 тыс. Вдвое чаще силовикам разрешают налагать арест на имущество граждан, на треть чаще — производить личный обыск, на 17% — обыск в жилище. Впрочем, получение разрешения суда на личный обыск и обыск жилища — явление само по себе довольно редкое; как правило, правоохранители обходятся без него, маскируя эти действия под задержание и личный досмотр в первом случае и извещая суд задним числом о “срочном” обыске в ночное время — во втором. Рост числа запросов на такие действия от суда можно даже считать позитивной тенденцией.

Как положительное явление можно также отметить то, что более чем вдвое выросло применение домашнего ареста как альтернативы заключению под стражу (хотя и при этом в 2014 году эти меры пресечения соотносились всего лишь как 1:40). Следует также отметить, что силовики стали чуть реже запрашивать разрешение судов на заключение обвиняемых под стражу, зато суды удовлетворяют такие запросы еще чаще. Ходатайств же на продление сроков заключения под стражу поступает еще больше, чем раньше, причем

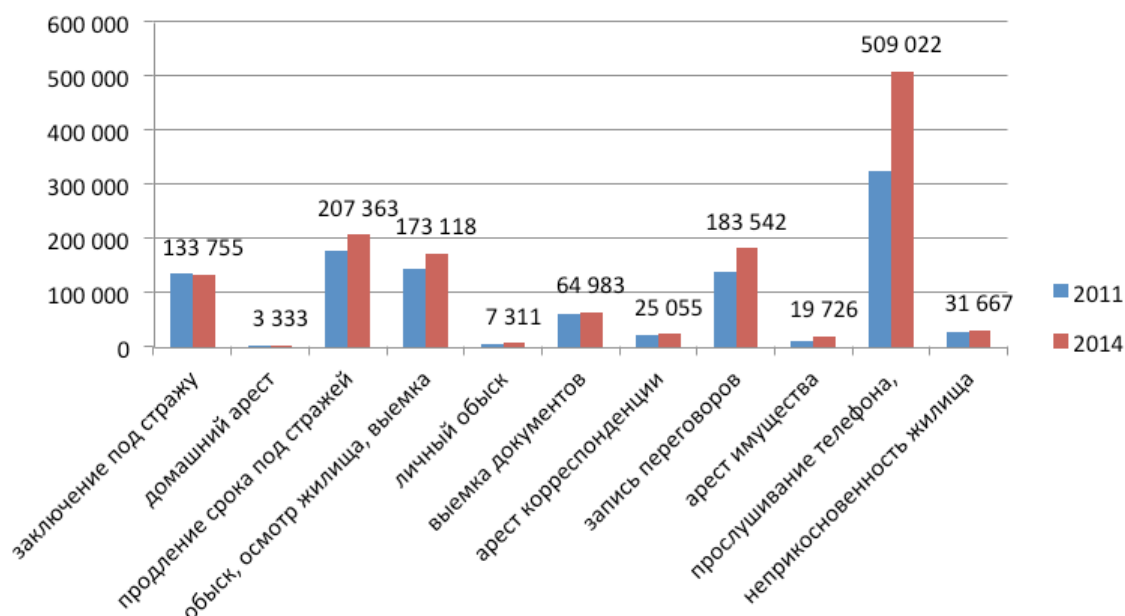

График 5. Удовлетворенные ходатайства силовиков в ходе уголовного процесса, 2011 и 2014 годы

удовлетворяются они по-прежнему в 98% случаев.

Напротив, жалобы граждан на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство (ст. 125 УПК РФ), теперь удовлетворяются реже: в 2011 году доля удовлетворенных жалоб составляла 11%, а в 2014

лам, поступающим из правоохранительных органов. Если раньше формалистический подход проявлялся в том, что судьи меньше интересовались сутью рассматриваемого дела и куда больше следили за правильностью оформления документов и соблюдением буквы УПК хотя бы на бумаге, то теперь они

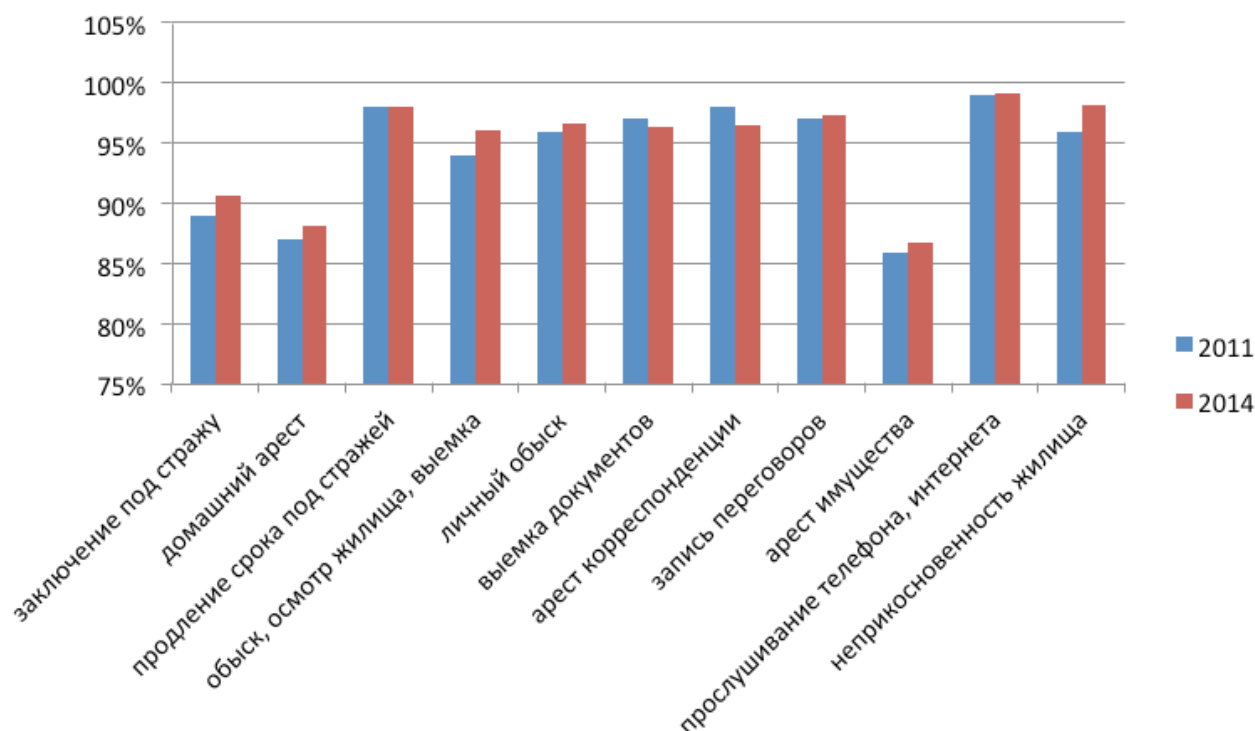

График 6. Доля удовлетворенных судами ходатайств силовиков, 2011 и 2014 годы

году сократилась до 7%. Та же тенденция видна и в отношении ходатайств об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного (п. 6 ст. 397 УПК РФ) — в 2011 году было удовлетворено 35% таких ходатайств, а в 2014 этот показатель снизился до 22%.

Также растет количество дел, рассматриваемых в особом порядке, где позиция обвинения не подвергается сомнению вообще, а обжалование решений задним числом практически невозможно. В 2011 году в особом порядке было рассмотрено 56% всех поступивших в суды дел, в 2014 — уже 65%¹⁵. Репрессивные тенденции усиливаются, суды все меньше обращают внимания на законность уголовного преследования, все менее строго относятся к следователям и прокурорам. Эксперты из числа адвокатов говорят о резком падении стандартов доказывания: суды снижают требовательность к материа-

готовы “прощать” обвинению и небрежность в оформлении дел, и явные процессуальные нарушения. Другими словами, федеральные суды все в большей степени становятся придатком репрессивных органов, не имеющих собственного веса в решении исходов даже рядовых дел — о “резонансных” нечего и говорить. Дело братьев Навальных (так называемое “дело Ив Роше”), где приговор на глазах у публики был вынесен раньше, чем судьей был изготовлен его полный текст — яркий пример этой тенденции: формальная сторона дела все в меньшей степени ограничивает судей даже тогда, когда дело привлекает максимальное общественное внимание.

Заключение

Неуклонная деградация судов, снижение их роли в общей системе власти; подчиненное положение по отношению к силовикам в рядовых уголовных процессах и следование указаниям “сверху” в делах с политическим содержанием — все это сказывается на том, как воспринимают судебную власть сами граждане. Хотя “рейтинг” российских судов немного поднялся на посткрымской волне вместе с рейтингами других органов власти, граждане крайне низко оценивают их влияние¹⁶. В январе 2014 года, отвечая на вопрос “Какую роль играют в жизни России те или иные органы власти и общественные институты?”, россияне ставят суды ниже всех остальных официальных органов (еще меньшую роль они отводят только полиции). Для сравнения: де-

сят лет назад суды, хотя и набирали меньше баллов, чем сейчас, но в глазах респондентов превосходили по своему значению Госдуму и Совет Федерации. В рейтинге доверия институтам власти по данным от сентября 2014 года¹⁷ суды также занимают одну из самых нижних строчек — им доверяют всего 26% населения. На год раньше доверяющих был 21%, и это один из самых незначительных результатов в списке: практически все остальные органы власти прибавили за этот год гораздо больше “очков” в социологических рейтингах. Даже на фоне общего роста лояльности населения и позитивного восприятия органов власти в целом судебная система выглядит аутсайдером. 2014 год не принес российской судебной системе никаких побед и никаких улучшений в деятельности; перспективы ее, между тем, выглядят еще более удручающими.

Примечания

- 1 Для работающих осужденных, которым такое наказание обычно и назначается, оно означает вычет из зарплаты по месту работы, то есть штраф, растянутый во времени.
- 2 Речь идет об “общей” правоохранительной активности МВД, ФСКН и СК. Политический сыск, применение СОПМ и активность таких спецслужб, как ФСБ, российская судебная статистика не отражает.
- 3 Такие решения являются предметом государственной тайны, засекречены и выдаются только судьями со специальным допуском.
- 4 Автор благодарит Ирину Четверикову и Анастасию Скрипкину за помощь в обработке статистики судебных исходов.
- 5 Форма 1. “Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел. По первой инстанции”, форма 10.3. “Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)”.
- 6 Место АС СЗО в судебной системе // Арбитражный суд Северо-Западного округа. URL: <http://fasso.arbitr.ru/welcome/showall/633200008> (доступ 21.08.2015)
- 7 Жуков В. Назначения, напрасные надежды и отставки-2014 // Право.Ru. 2014. 31 декабря. URL: <http://pravo.ru/review/view/114204/> (доступ 21.08.2015)
- 8 На июль 2015 года законопроект “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)” все еще находится в процессе подготовки к внесению в Государственную Думу. URL: http://regulation.gov.ru/project/22294.html?point=view_project&stage=1&stage_id=7502 (доступ 01.07.2015)
- 9 Например, *Игорное дело: как у казино съехала прокурорская крыша* // РБК. 2011. 15 августа. URL: <http://top.rbc.ru/story/610618.shtml> (доступ 21.08.2015)
- 10 В 2014 году дела частного обвинения (79351 дело) составили 8,2% всех уголовных дел, рассмотренных судами, и на них приходилось 79,6% всех оправдательных приговоров. По ним также обычно выносятся намного более мягкие приговоры и практически не применяется лишение свободы (ни одного случая в 2014 году). О разнице в исходах и процедуре рассмотрения в судах дел с участием и без участия государственной стороны обвинения см. Панеях Э. *Практическая логика принятия судебных решений: дискреция под давлением и компромиссы за счет подсудимого* // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права; Под ред. В. Волкова. М.: Статут, 2012. С. 107–127; Здесь следует также заметить, что часть дел частного обвинения также поступают в суды из системы криминальной юстиции (правоохранители не обязаны возбуждать дела по таким статьям, но имеют на это право). Однако из детальной статистики Судебного департамента невозможно исключить только те дела частного обвинения, которые поступили в суд от граждан. Как показал М. Поздняков (2012, неопубликованная рукопись), стати-

стика по делам, которые поступают в суды по составам частного обвинения из правоохранительных органов, не отличается существенно от статистики дел публичного и частно-публичного обвинения по сравнимым составам; таким образом, их исключение из рассмотрения не должно значительно влиять на выводы.

- 11 Постановление Государственной Думы от 18 декабря 2013 года. № 3500–6 ГД “Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации” // Российская газета. 2013. 19 декабря. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/18/amnistia-dok.html> (доступ 21.08.2015)
- 12 Различие между этими двумя ситуациями чисто формальное: в первом случае суд не доводит рассмотрение дела до конца, во втором — доводит, выносит приговор с назначением конкретного наказания, но освобождает от этого наказания осужденного.
- 13 Здесь, разумеется, не учитываются уже осужденные лица, освобожденные по амнистии решениями судов. Речь идет только о тех обвиняемых, кто был амнистирован в

ходе судебного разбирательства. Другими словами, это люди, которые в 2014 году были бы осуждены, оправданы, или в отношении которых было бы прекращено дело по каким-либо другим обстоятельствам, если бы амнистия не состоялась.

- 14 Шклярчук М. *Траектория уголовного дела в официальной статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов*. СПб, ИПП ЕУСПб, 2014.
- 15 В отличие от других приведенных цифр, сюда входят и дела частного обвинения, так как презентация данных в отчетах Судебного департамента не позволяет выделить их из этой категории.
- 16 Роль социальных институтов // Левада-центр. 2015. 12 февраля. URL: <http://www.levada.ru/12-02-2015/rol-sotsialnykh-institutov> (доступ 21.08.2015)
- 17 Доверие институтам власти // Левада-центр. 2014. 13 ноября. URL <http://www.levada.ru/13-11-2014/doverie-institutam-vlasti> (доступ 21.08.2015)

Приложение

Таблица 1. Динамика судебных исходов, 2008 - 2014 годы, в процентах ко всем рассмотренным делам публичного и частно-публичного обвинения

	Лишение свободы	Исправительные работы	Штраф	Условное осуждение к лишению свободы	Условное осуждение к иным мерам	Ограничение свободы/ограничение по воен. службе, содерж. в дисц. в/ч	Оправдано	За примирением с потерпевшим и др. нереабилитирующие основания	Обязательные работы	Другие исходы
2008	27,52%	3,91%	10,11%	31,87%	1,48%	0,14%	0,24%	19,24%	3,89%	1,60%
2009	26,92%	3,97%	10,66%	32,04%	1,41%	0,07%	0,17%	18,07%	5,59%	1,10%
2010	26,01%	3,95%	10,48%	30,35%	1,40%	0,79%	0,16%	18,38%	7,26%	1,22%
2011	23,96%	4,17%	10,35%	30,04%	1,35%	1,17%	0,15%	18,71%	8,90%	1,19%
2012	22,76%	7,58%	11,11%	24,67%	2,19%	2,82%	0,16%	19,53%	7,88%	1,29%
2013	23,16%	8,15%	11,39%	22,45%	2,28%	3,58%	0,12%	19,65%	7,52%	1,70%
2014, 1-е полугодие	24,20%	8,07%	10,63%	22,78%	2,17%	2,87%	0,10%	17,51%	6,98%	4,69%
2014 факт	23,53%	8,23%	11,28%	22,43%	2,22%	3,06%	0,09%	18,67%	7,26%	5,87%
2014 с амн*	23,96%	8,37%	11,48%	22,84%	2,26%	3,12%	0,09%	19,01%	7,39%	4,17%

* Проще говоря, эта строка представляет пропорцию тех или иных судебных исходов среди не попавших под амнистию подсудимых в 2014 году. С учетом амнистии доля соответствующих судебных исходов от всех рассмотренных судами дел представлена в строке “2014 факт” (амнистированные здесь попадают в графу “другие исходы”).

Приложение

Таблица 2. Рассмотрение судами ходатайств силовиков, 2011 и 2014 годы

		2011			2014		
		Рассмотрено	Удовлетворено	Удовлетворено (%)	Рассмотрено	Удовлетворено	Удовлетворено (%)
Меры пресечения	Заключение под стражу (п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	152 028	135 850	89%	147 428	133 755	91%
	Домашний арест (п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	1 539	1 346	87%	3 783	3 333	88%
	Продление срока содержания под стражей (п. 2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	180 315	176 840	98%	211 430	207 363	98%
Следственные действия	Осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыск и (или) выемка в жилище (пп. 4,5, 5.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	153715	144248	94%	180 157	173 118	96%
	Личный обыск (п. 6 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	5 428	5 219	96%	7 564	7 311	97%
	Выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	61 283	59 641	97%	67 384	64 983	96%

		2011			2014		
		Рассмотрено	Удовлетворено	Удовлетворено (%)	Рассмотрено	Удовлетворено	Удовлетворено (%)
Следственные действия	Наложение ареста на корреспонденцию (п. 8 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	21 930	21 501	98%	25 949	25 055	97%
	Контроль и запись телефонных и иных переговоров (п. 11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	144 762	140 047	97%	188 668	183 542	97%
	Наложение ареста на имущество на счетах и во вкладах (п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	11 512	9 907	86%	22 748	19 726	87%
Оперативно-розыскные действия	Ограничение прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, сообщений, передаваемых по интернету	329 415	326 105	99%	513 278	509 022	99%
	Ограничение прав граждан на неприкосновенность жилища	29 545	28 461	96%	32 239	31 667	98%